

КРОКОДИЛ

Р 556

13

МОСКВА

№ 3

ЯНВАРЬ

1 9 3 4

КЛАССОВЫЕ ЭМОЦИИ

Рис. и тема Ю. Ганфа

— Почему, когда строят на Украине, — радуются у вас и в Казакстане?
— А почему, когда строят у нас в Казакстане, — огорчаются у вас в Берлине?

Транспорт не оказывает должного внимания промтоварам, отправляемым в деревню, которые и застревают подолгу в пути.

Колхозники приветливо встречают скорый поезд, который изредка привозит шефа.

Так же рады колхозники, когда прибывает пассажирский — с писателями.

2 Но, приветствуя эти поезда, колхозники ничего не имеют против и обыкновенного товарного поезда.

(Тема М. Глушкова)

„2. Член партии обязан:

- а) соблюдать строжайшую дисциплину, активно участвовать в политической жизни партии и страны, проводить на практике политику партии и решения партийных органов;
- б) неустанно работать над повышением своей идейной вооруженности, над усвоением основ марксизма-ленинизма, важнейших политических и организационных решений партии и разъяснять их беспартийным массам;
- в) как член правящей партии в Советском государстве быть образцом соблюдения трудовой и государственной дисциплины, овладеть техникой своего дела, непрерывно повышая свою производственную, деловую квалификацию“.

(Из раздела 1-го устава Всесоюзной коммунистической партии (большевинов) в новой редакции. Приложение к тезисам по оргвопросам).

Этот человек был задачей с несколькими ответами.

Мягкий и учтивый, он всегда здоровался за ручку с курьершами. Подчеркнуто демократически обменивался с ними мыслями о погоде. И если серая гардеробщица Капусткина наставительно говорила ему: «А калоши бы сняли, все утро полотеры полы чистили», — то тов. Минутко расстраивался.

— Почему она так со мной разговаривает? Что я ей дурного сделал?

Его стол помещался в углу, в полумраке. Ножки стола оставили свой, никакой мастики нестираемый след на полу. Человек привык к этим ножкам, к их следу, к ящикам в столе, к регистрационным папкам, разбухающим до архивного состояния, к мелким кусочкам сахара в ящике... Стол и человек за столом годами оставались в тени.

Но тов. Минутко, как мы сказали, был задачей. У задачи было несколько решений. У тов. Минутко, как никак, среднее по старому цензу образованию, он также учился в кружке диамата. Еще больше: тов. Минутко — член партии.

Такому бы человеку в нашей большой превосходной жизни, где каждое культурное колесо на особом счету, не сидеть за регистрационным столиком. Но тов. Минутко предпочитал руками и зубами держаться покрепче именно за свое скромное местечко в тихом, как заводь, учреждении. А послушать его:

— Мы построили, мы создали, мы воздвигли Магнитострой, Днепрогэс, Автозавод, Челябингэс, ХТЗ, Березники... Мы ликвидировали кулачество как класс на основе... Мы!!!

Однако „мы“ было только в разговорах, а когда на ячейке поднимался вопрос о выделении товарища на посевную, тов. Минутко сидел с видом отсутствующего.

— Почему ж обязательно я? — косился он по сторонам, — разве больше некому поехать? К тому же я потомственный житель города и в вопросах деревни, по совести говоря... Нет, пусть „они“ едут!

— „Они“, другие, тоже „потомственные жители города“, поднимались и сами предлагали послать их в деревню, на посевную. На собраниях тов. Минутко обычно от выступлений воздерживался. Иногда впрочем можно было видеть, как он настойчиво вытягивает руку.

— До вас записалось двенадцать, — кивал ему председатель, — будете говорить тринадцатым.

— Нет, нет. Я вношу только предложение. Просьба не курить. Когда подписывались на заем второй пятилетки, он, мягкий человек, учтиво разъяснял настойчивому комсоду:

— Большевики осуществляют идейное руководство. В данном случае мой полуторамесячный заработок вопроса не решает.

— Какой-то вы такой! — грустно отвечала комсод Чижевская. — Ваши товарищи не такие.

— Не такие? И очень хорошо, что не такие. К чему всем быть на одно лицо. Это — уравниловка.

Случалось, — в учреждении после выходного дня на него налетал какой-нибудь холерик. Холерик кричал, встряхивая газетой:

— Читали? Во вчерашней „Правде“ заграничное коммюнике об экспансии?

— Нет, когда же? Вчера был выходной. А в выходные дни я, знаете ли, принципиально...

Холерик не отставал:

— В сентябрьском „Большевике“ читали? Там...

— Тут газету не успеваешь прочитать! — бормотал тов. Минутко.

Он не успевал, потому что читал только беллетристику. В библиотеке, меняя книгу, всегда просил чего-нибудь „полегче“.

— Вы бы хотя чем-нибудь теоретическим поинтересовались! — предлагала энтузиастка-библиотекарша.

— Нет, зачем же? «Вопросы ленинизма» у меня дома есть. А в красные профессора я как будто не собираюсь...

Когда заходил разговор о нагрузках, тов. Минутко скромно сообщал, что он — уполномоченный. Уполномоченный — это звучало. Он был профуполномоченным по взиманию членских профвзносов. Тихий и неприятельный, он стоял в стороне от схватки, от всего значительного и ответственного.

И когда в стенгазете его изобразили в виде рака-отшельника, который забился под корягу, — тов. Минутко, остановившись у изображения, угнетенно качал головой:

— Нехорошо, ах, как плохо. И что я им дурного сделал? Сдирать, конечно, не буду, это неприлично. Но вообще — плохо. Нельзя так опешлять члена партии!

И обернувшись к подошедшему активисту Васильеву, он молвил, затаив обиду:

— Вот вам, беспартийным, хорошо. Никто вас за усы не дергает!

— Ну и что ж, — пожал плечами Васильев, — переходите в беспартийные. Милости просим!

— Это почему же? С какой же стати, я и так никому не мешаю.

Но оказалось — мешал...

Да, этот мягкий и учтивый человек был задачей с несколькими ответами. Но партия дала один ответ: такие, как тов. Минутко, правящей партии в Советском государстве не нужны. Они как будто ничем формально не провинились. Они вполне «приличные» люди, но они — баласт, который только оттягивает плечи в походном марше.

Этот человек был задачей. Задача оказалась решенной в тот день, когда Минутко оказался вне партии.

Л. МИТНИЦКИЙ

БЕСЕДА С ЦЫБУКИНЫМ

Анисим Цыбукин устроился в кооперации. Он старается по части товарооборота с деревней.

Но, может быть, вы не знаете или забыли Анисима Цыбукина? Тогда прочитайте рассказ Чехова «В овраге». Анисим Цыбукин — оттуда, из оврага. Анисим Цыбукин — это тот самый, который рассказывал про поминальный обед у Ивана Егорова.

«По два с полтиной с персоны. И виноградное вино было, которые мужики — наши земляки, и за них тоже по два с полтиной. Ничего не ели. Нешто мужик понимает соус!»

Мы испросили у Анисима Цыбукина согласия на интервью с нами.

— Скажите, — начали мы, — почему вы не даете деревне хороших тканей? Вон, только ситец у вас, да и тот совсем завалящий. В городе никто не купит ситца с такой дурацкой расцветкой.

— Так то город, — сказал Анисим Цыбукин, — а то — деревня. Нешто мужик понимает соус!

— А обувь какую вы спускаете!.. Правда, она недорогая, но ведь таких уродливых ботинок и даром никто не возьмет. Неужели нельзя достать чего-нибудь попримличней?

— Нешто мужик понимает соус! — сказал Анисим Цыбукин.

Вот тоже по части бакалеи. Вы им ничего не даете или заваль сбываете. Совсем по-старинке! Разрешите процитировать вам Чехова: «Сбывали мужикам свинину с таким тяжким запахом, что трудно было стоять около бочки»... И еще, помните, ваша мамаша жаловалась? «...Постное масло в лавке горькое, тухлое, у людей деготь лучше. Да нешто, скажи на милость, нельзя хорошим маслом торговать?..»

Анисим Цыбукин ухмыльнулся и ответил:

— Уж тогда и вам дозволюте напомнить из Чехова... Дьякон Духов в рассуждении чего бы покушать не мог найти постной пищи. А ему на это объявлено: «Лопай, что дают!» Дьякону!

— Дьякон нас не интересует. Нам безразлично, что дьяконы лопают..

— Духовная особа, — с почтением произнес Анисим Цыбукин и презрительно махнул рукой:

— А мужик — что мужик!.. Нешто мужик понимает соус!..

— Но поймите, что теперь мужик — не мужик! Теперь он колхозник. Он идет к зажиточной жизни. Не станет он всякое барахло покупать. Не получится этак у вас никакого товарооборота. Колхознику нужен и хороший костюм, нужны и добротные ткани, и удобная мебель, и...

— Рояль ему еще с пианином! — сказал Анисим Цыбукин. — Да что вы, на самом деле!.. Нешто мужик понимает соус?

Трудно сказать, сколько времени длилась бы наша пропагандистская беседа, если бы нас от нее не отвлекли. Отвлек школьный сторож Яков. Он отошел с нами в сторону и прошамкал:

— С кем разговариваете!.. Не знаете, что ль, Цыбукина? Из кулацкого звания он. Фальшивой монетой промышлял. У отца своя лавка была. Какой может быть с ним разговор!

— Да, видите ли, дедушка Яков, хотелось все-таки дать ему понять, что мужиков теперь нету. Цыбукину-то. Переубедить его на этот счет, так сказать. Цыбукина-то.

— Оно так, — подтвердил Яков, — мужиков уже нету. Так это все понимают. Не про это давать надо понятие!

— А про что же?

— А вот, — сказал Яков, — мужиков нету, а Цыбукины еще не перевелись. Вот про что понимать надобно!

Затем, погладив бороду еще раз, добавил:

— Не перевелись Цыбукины-то!

ГРАММ

ДРУГ РАДИО

(Басни)

Словесный расточая пыл,
Директор фабрики бумажной
Однажды радио хвалил:
— Вот просвещения

рычаг немаловажный!

Недаром Ленин так его определил:
Газета без бумаги, расстояний.
Действительно: бумаги — ни клочка!
А расстояния, какие вам угодно,
Волна проходит в три скачка

свободно!!!

И вдруг — за шиворот сгрэбли
Директора-беднягу:

— Ты, милый, радио хвали,
Но аккуратно подавай бумагу.

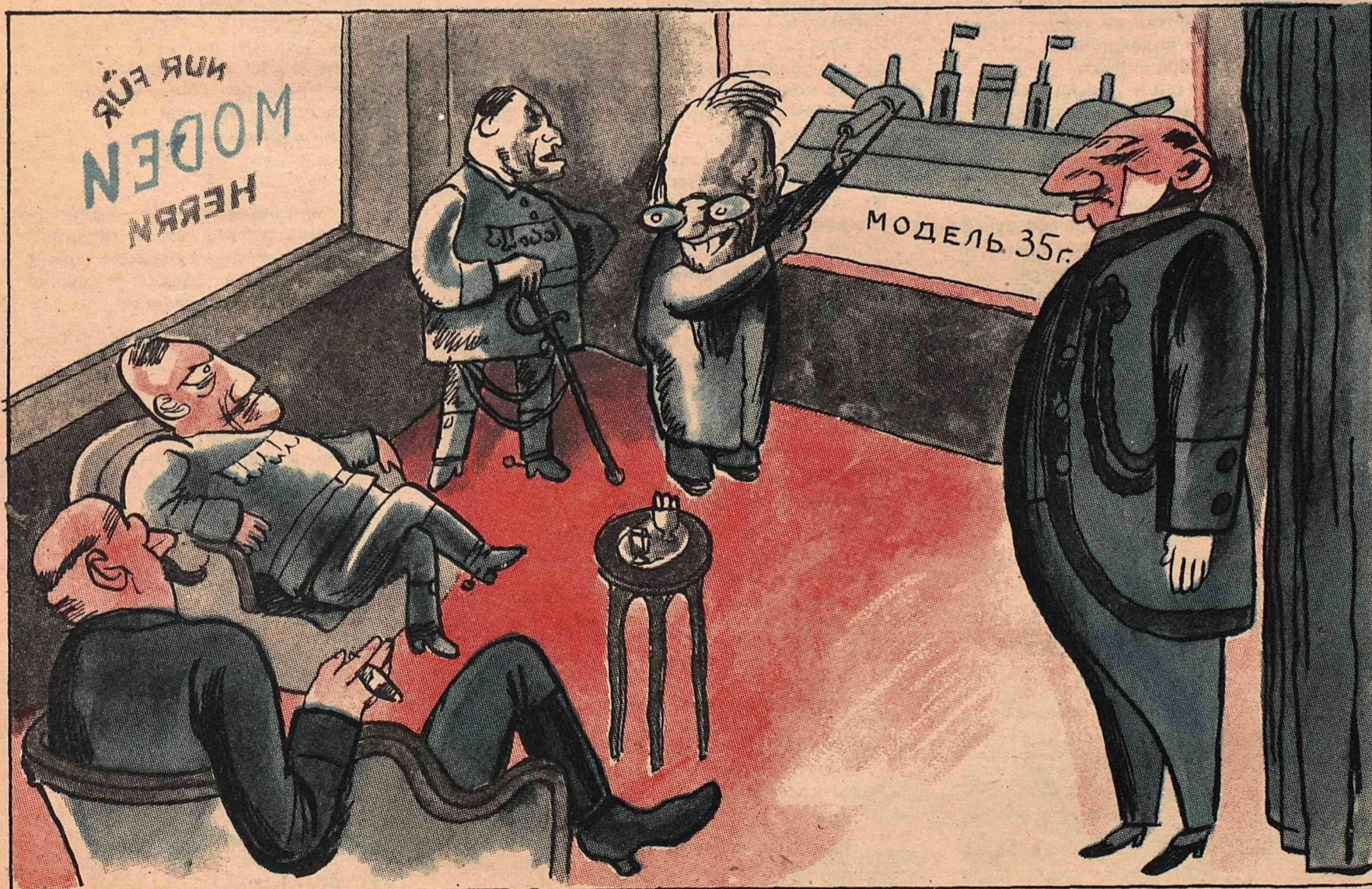
Директор! Разберись построже, —
И станет истина тебе ясна;
„Газета без бумаги“ нам нужна,
„С бумагой“ — тоже.

Ив. ПРУТКОВ

В НЕМЕЦКОМ АТЕЛЬЕ МОД

Рис. А. Радакова

Япония модернизирует все свои военные суда.

— Я думаю, этот фасон вам будет к лицу...

— О да, если бы только на японский фасон прибавить к бортам еще пару дюймов...

(Томас Я. Бельского и А. Бухова)

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО „КРОКОДИЛУ“

1

Уважающий товарищ „Крокодил“!
Ты чево-то про деревню говорил:
Дескать, будто при колхозах на селе
И житьишко вроде стало веселей;
И культура, дескать, вводится;
И скотинка шибче родится;
И земля, дескать, по-новому родит;
И изба, дескать, по-новому глядит;
И дела, дескать, приличные;
И харчи весьма отличные;
И зимою, мол, разумней стали жить...
Разрешите вам, товарищ, доложить:
До колхозов у крестьянского села
Жизнь действительно разгульная была,
Эка штука, что „лежали на боку“!
Раз я осенью работал на току,
То могу ж зимой поважничать,
Отоспаться и пображничать!
Встанешь с печечки в двенадцатом часу:
„Ну-ка, баба! Жарь, гадюка, колбасу!
Что такое? Осторожнее, мадам!
А не то мы вашу милость — по мордам!
Не впервой учу вас, кажется,
Как при детях кочевряжиться!“
Баба — в ноги! Дочка — в погреб кувыркoм!
Сын за водкой — по сугробам босикoм!
Кум с похмелья в двери ломится...
„Р-р-разрешите п-по-знакомиться!“
А за кумом, вместе с паром из дверей
Пресвятой и преподобный иерей.

Ряса — вдрызг! Видна исподняя...
Благодать на ем господняя!

„Баба! Дьявол! Ты ж, ей бо, жена ж!
Наберись же ты хоть раз ума!
„...Ро-жде-ство твое, Христе боже наш,
Воссия миру свет разума-а...“

Что в печи — на стол, хозяйюшка, мечи!
подавай нам настоящие харчи!
А по части выпивона из спиртных
подавай нам батарею четвертных —
И травянку, и перцовочку,
И сливянку и вишнебочку!“

2

Всполоснешь себе полчетвертью нутро-с,
А потом из жаркой хаты — на мороз:
Кто ревет, кто пляшет, гикая...
Торжество идет великое!

Бабы пьяных мужей своих за полы ловят...
Мужики с перепоя весьма сумасше-
ствуют...

„Ангелы с пастырями славословят,
Волхвы же со звездой путешествуют“.

Чи-то девки по загульням визжат,
Чи-то тятки под заборами лежат.
Молодежь дрекольем лупится...
Мать святая, троепупица!
Чья-то хата загорелась на ветру...
Перекинуло к Ивану и Петру...
Чья-то баба-человечица
Нагишем по снегу мечется!

„Эй, иди, обогрею, Анисья!
Хочешь — в клуню? А хочешь — под стог!“
„Нас бо ради родися
Отроча младо предвечный бог!“

3

Эх, и жисть была! Действительно!
Даже прямо удивительно!
А теперича — особая статья!
Ни веселья ни разгульного житья.
Ну, и в области имени —
Вроде недоразумения.
Встанешь с печечки в двенадцатом часу —
Нету бабы, чтобы жарить колбасу:
Убежала темной ночью
Вместе с сыном, вместе с дочкою.
Не сдержали никакие удила!
Кума выслали куда-то „за дела“.
Иерей без дела треплется,
Чуть душа в бедняге теплится.
А в печи-то... Что же может быть в печи?
Тараканы да пустые кирпичи.
Всполоснешь простой „пшеничною“ нутро-с,
А потом из хаты выйдешь на мороз,
От тоски слеза закапает,
Никого никто не лапает...
Никого не чешут колом за девчат,
Из сугроба чьи-то ноги не торчат...
Никакая человечица
Нагишем нигде не мечется...

Если песня — пустая, корявая!
Прежним песням никак не родня:
„Не спи, вставай, кудрявая,
В цѣху звеня...“

Где же радость? Где веселье? Где вино?
Молодежь сидит по клубам, по кино,
Мужики за диаграммами!
За какими-то программами!
Бабы, девки, начихавши на ребят,
Политграмоту какую-то долбят,
Ребятишки — чорту на диво —
Ловят пение по радио!

А в их пении — ни склада ни лада!
И мы, как бараны, глядим:
„Если нужно, если надо,
Мы и юность отдадим!“

4

Хорошо им петь такую дребедень,
Раз у них почти по пуду трудодень,
Да картошка в огородке,
Да часы на стенке — ходики,
Да по тысяче готовеньких деньжат
В сберегательной на книжечке лежат,
Да молочный скоп ко времени,
Да ботиночки по премии!
Да от города и слава и почет!
Мудрено ли, что над ними не течет,
Что плюют, на нас, бестыжие!
Ну а мы-то, что же — рыжие?
А особенно обидно в смысле баб.
Взять, к примеру, Никаноровну, хотя б!
Ведь была моей батрачкою!
Девкой! Скотницею! Прачкою!
А теперь к ней не под'едешь на козе!
Распеваает, стерва, музыку Бизе,
Состоит на курсах в Питере,
Щеголяет в синем свитере...
Я ей ручкой: „Вы ж знакомые со мной!“
А она ко мне невежливо — спиной!
И еще на лыжах катится!
Ах, едрена каракатица!

5

Нет, почтеннейший товарищ „Крокодил“!
Про „разумность“ это зря ты городил!
Не втирай же нам, пожалуйста, очки!
По доверию от группы кулачков,
Деревенских неудачников

ФЕРАПОНТИЙ ПОДКУЛАЧНИКОВ

ПОДАРОК

Уж если говорить о перестройке характеров, то не знаю, как вам, а мне желательно, чтоб все люди были умные, честные и чтоб все стихи писать умели.

Ну, стихи-то в крайнем случае пущай не пишут. Только чтоб все были умные и честные.

Хотя ум тоже, как говорится, дело темное. Неизвестно, откуда это берется. Так что заказывать его не приходится.

Нет, мне желательно, чтоб все были честные. И чтоб не дрались. В крайнем случае даже пущай дерутся. Только чтоб все были честные.

Нет, это не значит, что уж и не соври. Нет, врать, конечно, можно. Ну там, самую малость. Ну там, можно слегка прихвастнуть перед барышней. Вот, дескать, Неву могу переплыть, а сам, например, как топор плаваешь. Ну, это можно допустить, такое вранье. В этом пороку нету.

Или там, например, жена спросит: где был? Ну, тебе сказать неохота, где был. Ну, скажешь, дескать, в аптеке был. Ну, она хлесь по роже — как это, скажет, в аптеке, когда, например, от тебя пивом пахнет.

Нет, хотя драться нехорошо. Нет, лучше уж совсем без вранья, тогда, может, и драки прекратятся.

Итак, нам желательно, чтоб все были честные. И в силу этого мы сегодня хотим одного подлеца одернуть.

Нет, нам фамилию его называть не обязательно. А то он и так чересчур расстраивается. И говорит, что перестроился. Поэтому назовем его *.*.

А ехал этот три звездочки в трамвае.

Вот он едет в трамвае. А по виду никак не скажешь, что это подлец едет. По виду это едет скромный работник в валенках. Он едет в гости. Он едет к своему приятелю на именины.

Вот он едет на трамвае к нему в гости, думает, может, там про свои всякие подлости — чего он сожрет, и хорошо, думает, что подарка имениннику не купил. Другие, думает, простакки имеют привычку покупать, а что касается меня, то не на таковского напали.

И вот он едет на именины без подарка. И на углу 7-й линии слезает. Вернее, он, не дождавись остановки, спрыгивает, чтоб поскорей пойти в гости, а то, думает, все сожрут.

Вот он спрыгивает поскорей. И вдруг слышит противный свисток, и чьи-то ноги спешат.

„Ну, думает, налетел на трешку. Лучше бы, думает, я имениннику пару разных яблок купил, чем мне теперь штраф платить“.

И, так подумавши, поскорей смешивается с толпой и идет, как ни в чем не бывало. Будто это и не он прыгнул, а кто-нибудь там другой.

Милиционер говорит:

— Некрасиво делаете, что убегаете.

. говорит:

— А что такое? За что я буду штраф платить? Что ты ошалел, стоявши на своем посту! Вдруг какая-то тетка говорит:

— Пардон, я сама свидетельница. Это он прыгнул. И я жалею, что ему ноги не оттаяло.

. говорит: „Ах ты корова!“ И сам хочет схлестнуться с этой теткой, но после думает:

„Еще опоздаю в гости, все сожрут“. И, значит, мысленно страдая и пиная тетку ногой, подает милиционеру трешку.

А самого его раздирает злорада.

Милиционер дает ему квиток. А он от превеликой своей злости бросает, например, этот квиток, на пол, дескать, задавитесь, проклятые, мне чихать на вас!.

Милиционер говорит:

— Не бросайте. Не выказывайте своей злобы. Вы, говорит, этим швыряньем принижаете действия милиции. Вот я вас оштрафую еще на рубль, зачем мусор бросаете.

. говорит:

— Окуроч — это мусор, а это есть химически чистая бумажка. Не будет тебе штрафа. И я жалею, что ты в форме милиции и я в гости спешу, а то бы я тебе морду нахлестал.

Тетка говорит:

— А я, обратите внимание, свидетельница.

Милиционер говорит:

— Свидетелей нам не надо. А с этим мы пойдемте в милицию.

. говорит: „Пойдемте“. И сам, видя, что теперь свидетелей нету и тетка отстала, начинает по дороге нашего милиционера так чехвостить, так костить, что тот аж рот раскрывает, но сдерживается. Самые ужасные слова ему говорит, называет его хамом, скотиной, сыроежкой, фараоном и так далее. А милиционер тактично молчит и не теряет своего достоинства.

Вот приходят в милицию. Докладывают дежурному, что случилось. Милиционер говорит: „Главное, он меня незаслуженно оскорблял, прошу записать“.

Наш подлец говорит: „Он нахально врет. Никаких оскорблений я не допускал. Свидетелей нету, и я отказываюсь от этих показаний“.

Начальник милиции говорит:

— А мы знаете, привыкли своим милиционерам верить. И на тебя мы сейчас составим протокол.

И вот составляют протокол, спрашивают его: „Где вы служите и где живете?“. А *.* с перепугу и по своей подлости нарочно указывает не тот адрес. А то, думает, пожалуй, наклейка будет.

Вот он дает не тот адрес и говорит: „Можно мне итти, а то я опаздываю?“

Дежурный говорит: „Посиди маленько“. И сам поспешает к телефону.

Он вызывает адресный стол и там берет справку — верный ли адрес.

Тогда *.* говорит: „Ой, пардон, я спутался. Я вам не тот адрес дал. И не ту фамилию. На меня затмение нашло“.

Начальник милиции говорит:

— Ах, вон ты какой фрукт. Нам теперь все твоё поганое вранье видно. Говори свой правдивый адрес и выметайся.

Тогда *.*, предвидя суд и неприятности, говорит адрес, но опять-таки говорит не свой адрес, а во избежание дальнейших неприятностей, на всякий случай говорит адрес своего приятеля — именинника.

И при этом думает: „Тому все равно ни черта не будет, тот докажет свою невинность, а тут и адрес сойдется, если справку возьмут, и мне легче вздохнется, а то, чего доброго, засудят за подлог и такие дела“.

Вот он дает адрес именинника и называет себя его фамилией.

Вот начальник милиции звонит в адресный стол, и там вскоре отвечают: „Такой есть, живет по этому адресу, и все правильно“.

В хорошем настроении духа спешит *.* на именины. Но приходит туда поздно. Там уж все съели, и ему подают лишь стакан чаю и огрызки печенья.

., расстроившись от такой подачи, думает про себя: „Ничего, я ему тоже хороший урок сделал. Он у меня теперь побегаёт“.

И снова в хорошем настроении уходит домой.

Дня через два является на работу бывший именинник весь не в себе. И говорит друзьям: „Со мной такое случилось, что только в сказках происходит. На меня какие-то подлецы 25 рублей штрафа наложили за оскорбление милиции и за вранье. А я в этом так же виноват, как белый медведь на льду Северного полюса. И я, говорит, сам не пойму, что к чему. А они говорят: „Плати, или мы на твоё жалование наложим“. Ах, какая неприятность“.

От этих слов *.* сконфузился за свой подвох и, пожалев бывшего именинника, так отвечает:

— Знаешь, Ваня, я тебе на именины ничего не подарил. Хочешь, я тебе десятку дам, чтоб ты внес этот штраф и не волновался.

Тогда бывший именинник, будучи неглупым человеком, вдруг начинает кое-что понимать.

— Позволь, — говорит, — я твою скупость предельно знаю. А то, что ты мне десятку суешь, это мне удивительно. Уж не ты ли, сукин сын, мне это дело удружил. То-то я вспоминаю, ты опоздал и пришел взволнованный... Так вот, какие ты подарки даришь своим друзьям.

И тут, закричав „держите меня“, хлесь по уху этому самому!.

А тот, удивившись, сказал и говорит: „Ну, хорошо, я весь штраф заплачу, только не губи мою репутацию. Вот тебе 25 целковых, поспеши заплатить“.

Бывший именинник говорит:

— За каждое твоё следующее слово я готов тебя всякий раз бить по морде. Это еще что за новости! Ты такой подлец, а я буду за тебя ходить и платить.

. говорит: „Ну, хорошо, я заплачу, не скули“.

И бежит в милицию.

А там, как на зло, сидит то же самое начальство, которое об'яснялось с именинником, но не то начальство, которое было в первый раз. А *.* не сообразил мелочей, подает повестку и кладет на нее деньги.

Дежурный изумляется перемене в наружности пришедшего и говорит:

— А ну вас к чорту! Что-то я ничего не пойму. То один не хочет заплатить, то другой хочет.

Только вдруг приходит начальник отделения милиции.

Он сразу разбирается во всем деле и говорит:

— Ах, вот оно что! Третье вранье! Сейчас, наверное, четвертое начнется. Ну, теперь мы тебе пришили обвинение.

. просит прощения и унижается. Но на него составляют протокол. И этот протокол отсылают на место службы.

Там состоялся товарищеский суд, на котором нашего подлеца оштрафовали на 10 рублей в пользу МОПР и, кроме того, приговорили к общественному порицанию и дали строгий выговор с предупреждением.

Теперь этот тип ходит тише воды, ниже травы и говорит: „Так-то я довольно честный, но, конечно, бывают затмения“.

А бывший именинник перестал с ним здороваться и говорит: „Вот так мне подарок подарили!“

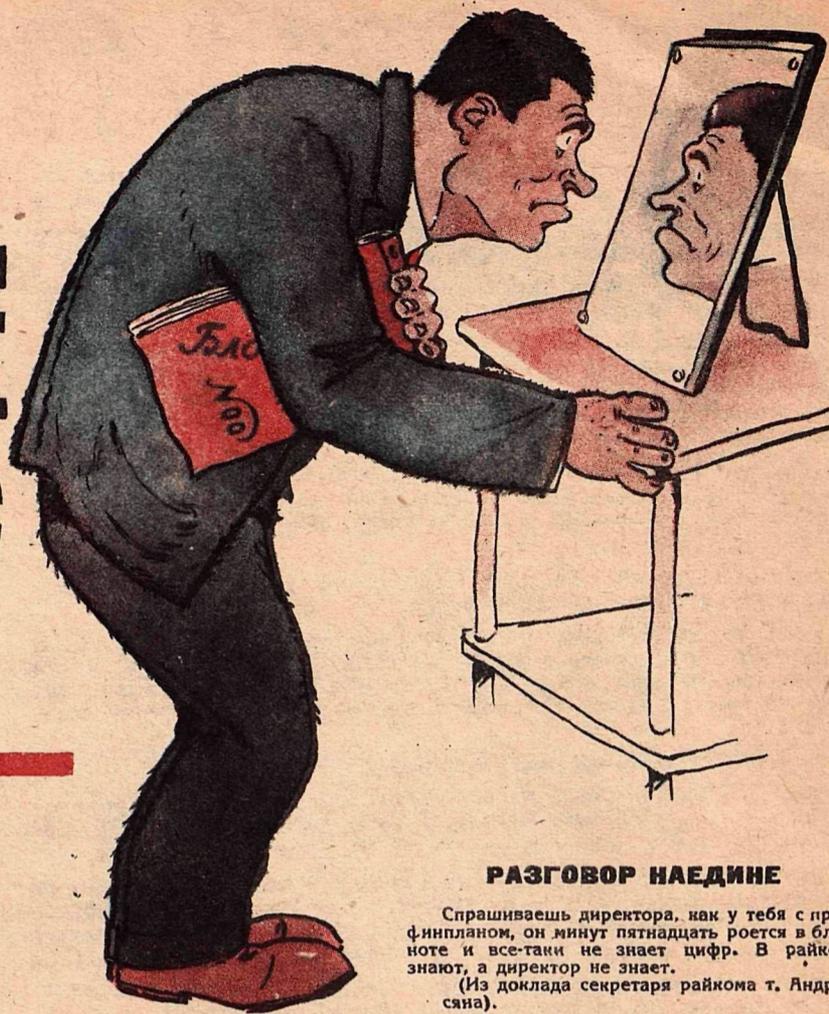

Я

ЗДЕСЬ

8-13 января происходила 3-я райпартконференция Октябрьского района (Москва), на которой коллектив „Крокодила“ выпускал стенгазету „Я здесь“. Помещаем в журнале часть рисунков из этой стенгазеты.

В стенгазете участвовали: литераторы — И. Абрамский, А. Арг, А. Безыменский, Бен-Гали, А. Бухов, М. Глушков, Р. Роман. Художники — Я. Бельский, Л. Бродаты, Ю. Ганф, Л. Генч, К. Елисеев, К. Ротов, Е. Толков, М. Храпковский. Бригада „Финкора“ и кружковцы „Крокодила“.

РАЗГОВОР НАЕДИНЕ

Спрашиваешь директора, как у тебя с промфинпланом, он минут пятнадцать роется в блокноте и все-таки не знает цифр. В райкоме знают, а директор не знает.
(Из доклада секретаря райкома т. Андреасяна).

Рис. К. Елисеева

— Голубчин, снажи скорей, как у тебя на сегодня с промфинпланом? В райкоме требуют!

Прихожу на Тормозной завод, чтобы посмотреть строящийся для рабочих дом. Сели на машину, поехали. Минут 15 кружились и не могли найти. Директор, оказывается, не знал, где строится дом. Разве это руководство?
(Из доклада секретаря райкома т. Андреасяна).

Рис. М. Храпковского

— Ясно помню, был дом. Такой — четырехэтажный. Куда же он запропастился?

К столовой завода „Самоточка“ примазались много кулаков.
(Из доклада т. Андреасяна).

СТОЛОВАЯ ЗАВОДА „САМОТОЧКА“

Рис. К. Ретова

„ТИХИЙ“ и „СЛАДЕНЬКИЙ“

Кулак был выгнан из колхоза, где причинил он много зла. Он „пострадал“ кулак-стервоза от реконструкции села, но скрывшись в мирной обочине, Он мудрость открытости постиг, и при столовой „Самоточки“

Реконструировался вмиг. Слепцам заводским нет пощады, — Они не видят, где враги, Там, кто пустил и работе гада, Железною рукою надо Реконструировать мозги.
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

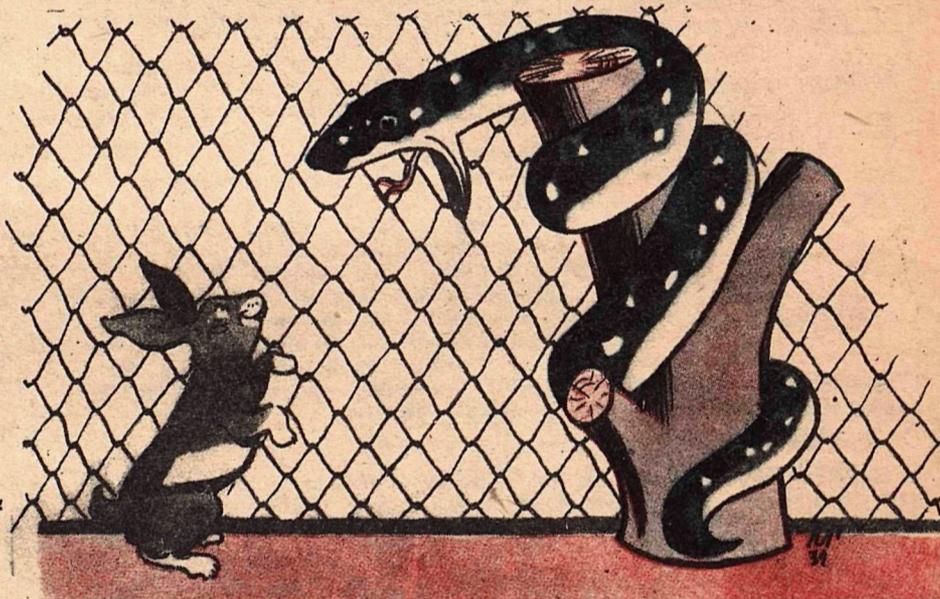

Рис. Ю. Ганфа

БЫВАЕТ И ХУЖЕ

В Серпуховском районе падеж кроликов достиг рекордной цифры — 88%.

КРОЛИК: — Ф-фу ты!.. А я, было, испугался: думал, — в Серпуховский район попал.

Рис. Б. Гельмса (Бригада „Финкора“)

Директор завода им. Войкова сплошь и рядом являлся на работу не раньше 2 часов дня.

СЕКРЕТАРЬ: — Директор сейчас занят.

ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ: — Можно разбудить: дело срочное.

Рис. А. Топикова

УСПЕХИ ХИМИИ

У соевого завода что-то не ладится с производством престоковши, которая выходит серой и малоинтересной.

— Что-то не получается у нас с престоковшой. Не переделать ли нам ее на деготь?

Рис. К. Ртова

ЗРК фабрики Москбелье № 2 идет широкими шагами навстречу потребителю

На заводе им. КПГ кило кроличьего мяса обходится в 3 р. 63 к., а заводу им. Дзержинского кило обходится значительно дороже. Кушайте на здоровье.
(Из доклада т. Андреасяна).

Рис. М. Храпковского

КРОЛИКОСЛОН

При помощи красивых слов,
Раздуть какую-либо малость,
Из мухи делают слонов,
О чем нередко сообщалось...

Но у дзержинцев вышший тон!
Развился аппетит до коллик.
Глядишь обыкновенный кролик,
А стоит столько, сколько слон.
АРГО

...А САМ НЕ ПЛОШАЙ

Рис. Гайфа

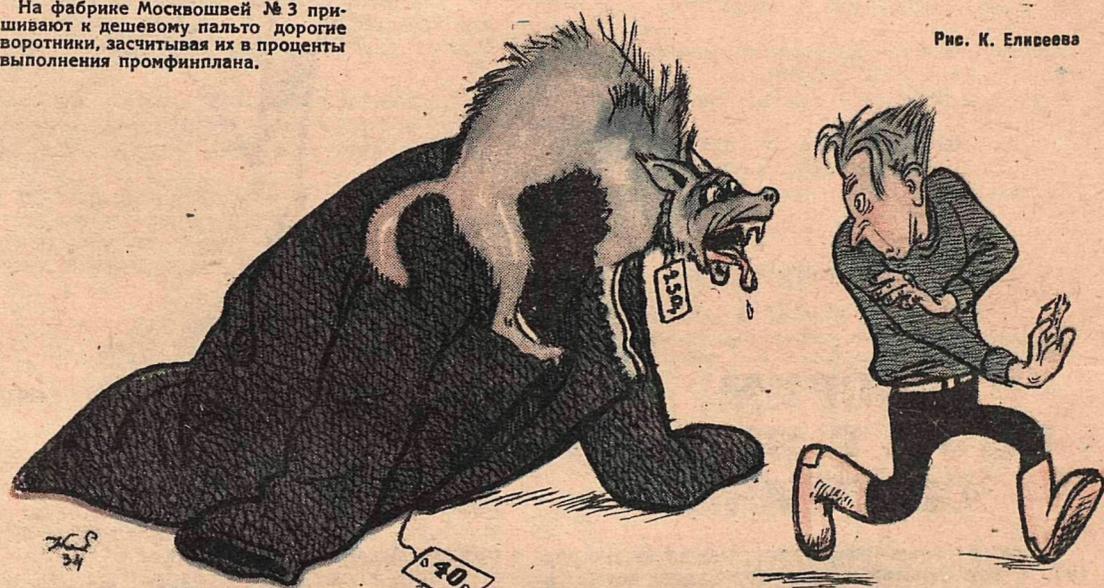

Общественные организации фабрики Москвошвей № 3, вместо того чтобы самим энергично взяться за постройку столовой, всюду ходят и вопиют о помощи.

.....Христане скупы стали: деньги любят, деньги копят... Ходишь, ходишь, молишь, молишь, за весь день еле-еле три полушки вытолщишь...!

(„Борис Годунов“)

Рис. К. Елисеева

Воротник кусается

Рис. А. Топикова

ФАКТ НАЛИЦО

Фабрика „Фотопластинка“ выполнила годовой план только на 59%. Качество пластинок тоже заставляет желать много лучшего.

И в магазине и на рынке
Вчера купив пластинок пять,
Директора „Фотопластинки“
Мне захотелось тут же снять.
Прицел был взят безмерно точный:
Райком навел хороший свет,

И получился очень сочный
И отчеканенный портрет.
Лицом директор нехорош,
Но что ж поделаешь?
Похож!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

СТАРИК: — А этот Мишутка, оказывается, толковый мужик! Зря я его вчера за уши выдрал...

(Тема Я. Бельского)

СПОРИМ, НО НЕ С ИВАНОМ СЕРГЕИЧЕМ

Весьма полезно почитать хороший рассказ о зажиточной жизни. Особенно, если чувствуешь, что автор прекрасно знаком с деревней, с крестьянским бытом.

Перед нами такой рассказ. Собственно говоря, это даже не рассказ. А стихотворение в прозе.

Написано с сильным чувством, с большой лирической теплотой. Сразу видно, автор талантлив.

Говорим это безо всякой иронии, — автор, насколько нам известны и другие его произведения, — высокоталантливый писатель.

Рассказ о зажиточной жизни начинается с описания природы. Природа тоже зажиточная.

„Ровной синевой залито все небо: одно лишь облачко на нем нето плывет, нето тает. Безветрие, теплынь... воздух — молоко парное!“

Автор уже создал себе некоторое имя своим непревзойденным умением рисовать природу. Опять-таки говорим это без всякой примеси иронии. Послушайте дальше.

„И дымком-то пахнет, и травой, и дегтем маленько, и маленько кожей. Конопляники уже вошли в силу и испускают свой тяжелый, но приятный дух... По оврагу бежит ручей: на дне его мелкие камешки словно дрожат сквозь светлую рябь. Вдали, на конце — крае земли и неба — синеватая черта большой реки.“

Замечательно! Вместе с вами, читатель, восклицаем, ничуть не иронизируя: замечательно!

Дальше автор, держась на той же высокой ноте, переходит к описанию самой деревни. Тишина. Покой. Уют. Благополучие и благорастворение воздуха.

„Вдоль оврага — по одной стороне — опрятные амбарчики, клетушки с плотно закрытыми дверями; по другой стороне — пять-шесть сосновых изб с тесовыми крышами. Над каждой крышей — высокий шест скворешницы; над каждым крылечком вырезной железный круто-

гривый конек... кувшины с букетами намалеваны на ставнях.“

Интересно, чему равен трудодень в этом мощном колхозе? Но автор почему-то обходит молчанием этот вопрос. Ничего не сказано также ни о тракторах, ни о комбайнах, ни о жнейках, ни о минеральных удобрениях. А протравливают ли там семена?

Автор, к сожалению, обходит все эти вопросы глубоким молчанием. Он сразу переходит к описанию людей. И люди все, без различия пола и возраста, такие довольные, бодрые, жизнерадостные.

„Русокудрые парни в чистых, низко подпоясанных рубахах, в тяжелых сапогах с оторочкой, перекидываются бойкими словами...“

„Из окна выглядывает круглолицая молодка, смеется...“

„Передо мной стоит старуха — хозяйка — в новой клетчатой паневе, в новых котлах... Приветливо улыбаются старческие глаза; улыбается все морщинистое лицо...“

Отчего это все смеются и улыбаются? Да как же не улыбаться, да как же не смеяться, когда автор, окончательно распалившись, восклицает:

„О, довольство, покой, избыток русской вольной деревни! О, тишь и благодать!“

Кто же автор этих пламенных строк? Премировать его! Включить в бригаду! Послать в творческую командировку! Дать квартиру в новом доме писателей. Издать его книгу в красивом переплете с супер-обложкой в издательстве „Академия“!

Не будем скрывать. Иван Сергеевич Тургенев — вот кто автор этого стихотворения в прозе „Деревня“.

Вижу по вашему лицу, — хотите возразить автору „Отцов и детей“. Дескать, засел человек в дворянском гнезде и оттуда после обеда, сидя на крыльце и прохладяясь чайком с вишневым вареньем, смотрел на деревню.

Где видел многоуважаемый Иван Сергеевич в 1878 году довольство, покой, избыток „больной“ (?) деревни? Мы знаем другое о старой деревне, нищей, темной, безграмотной, закабаленной. Где отыскал писатель эту Аркадию, это жемчужное зерно в помещицкой Руси?

Слышу, как вы ехидно спрашиваете: „Какой датой помечено это стихотворение в прозе?“ Февраль 1878 года. Написано в феврале. Но речь идет об осени, об уборочной кампании 1877 года.

— А вот вам, — говорите вы, — другой документ о деревне, относящийся к ТОМУ ЖЕ 1877 ГОДУ. Стихи Некрасова:

„...Нынче осень голодна,
Нет конца печали женской,
Не до пива и вина...“

Мрачными, угрюмыми тенями бродят крестьяне

„По субботам в город едет,
Ходит, просит, узнает:
Кто убит, кто ранен летом,
Кто пропал, кого нашли?
По каким по лазаретам
Уцелевших развезли?
Так ли жутко!.. Свод небесный.
Темен в полдень, как в ночи...“

Ведь именно в те дни, когда Тургенев воспевал „тишь и благодать“, десятки тысяч русских крестьян, одетых в солдатскую форму, гибли в Болгарии, за Кавказом, в Малой Азии, гибли от пуль, от сыпного тифа... „О довольство, покой, избыток!..“

Иван Сергеевич — талантливый классик. Его надо издавать. Он — наследство. Даже такое невероятное стихотворение в прозе, как „Деревня“, надо переиздавать. Наследство!

Мы спорим не с Иваном Сергеевичем, а с издательством „Академия“. Оно выпустило книжку стихотворений в прозе Тургенева. Испалать тебе за это!

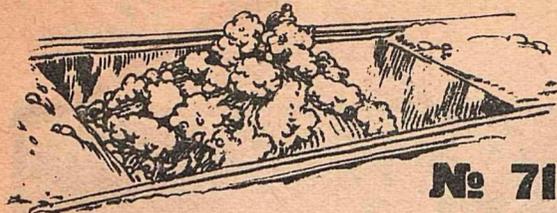
Но ведь „Академия“ издает книги не для украшения полок. А для чтения. И вот книжка начинается с „Деревни“. Встает вопрос: имеет ли право издательство вводить в заблуждение наших молодых читателей, преподнося им такое неправдоподобное описание старой деревни? Почему нет примечаний, комментариев, критической оценки этого дорогого наследства?

— Понял, — отвечаете, — издавать такие книжки нужно с предисловием и редакционными примечаниями.

— И с головой!..

Г. РЫКЛИН

ПРИКАЗ

№ 71

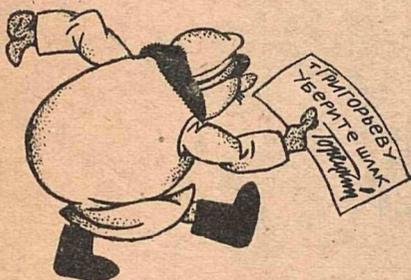
Начальник угольного склада депо Уфа чуть-чуть не допустил грубейшей ошибки: увидев, что шлаковые канавы забиты шлаком и паровозы вместо полутора часов теряют на экипировку по 5-6 часов, начальник впал в панику и распорядился:

— Поставить на канаву двух колхозников. Пускай они перелопатят этот чортов шлак и выкинут его из канавы на тракционный путь.

Так было оно, пожалуй, и случилось, если бы искушенный в правилах помощник начальника склада во-время не пресек необдуманных действий наивного начальника. Помощник достал из конторки обемистую брошюру и показал начальнику „приказ № 71“, подписанный начальником управления С.-З. ж. д.

Приказ гласил следующее:

„Уборка паровозного шлака со станционных путей, погрузка шлака с кочегарных ям, расположенных как на станциях, так и на тракционных путях, производится службой пути за свои кредиты.“

Очистка же от шлака тракционных путей службой пути производится за счет передовенных кредитов паровозной службой. Очистка от шлака самих кочегарных ям, расположенных на тракционных путях, производится средствами паровозной службы, а на прочих станционных путях — елужбой пути“.

— Вот видите, — назидательно сказал пом, — какая сложная диспозиция. А вы хотите двух колхозников. Тем самым вы, товарищ начальник, недооцениваете приказ и некоторым образом впадаете... А вы знаете, чем это пахнет?

Начальник завял и с'ежился в комочек. Помощник бодро и жизнерадостно звонил ПЧ-7 Аввакумову: „Надо убрать шлак“.

ПЧ немедленно ответил цитатой из приказа.

— Чудаки, что ж я тут могу поделывать? Ведь у вас шлак на канаве. И, значит, чистить его полагается начальнику депо. Вот когда вы его выкинете из канавы, я его в два счета уберу с тракционного пути.

ДНЕВНИК „КРОКОДИЛА“

5 ЯНВАРЯ. Вернулась моя бригада „Крокодил на рельсах“ в составе крокодилцев тт. Бен-Гали, Р. Романа, А. Толикова и инструкторов полуправления НКПС тт. Громова и Немцова.

„Крокодил“ носился по рельсам на Самаро-Златоустовской ж. д. 52 дня, при чем ни разу не попал в крушение, чего нельзя сказать о многих оппортунистах и очковитирателях на дороге, заметно пострадавших от столкновения с „Крокодилом“.

В такого рода крушениях пострадали и изучены б. начальник Уфимского района Мураховский (снят с работы), зам. нач. депо Уфа Концевич (10 лет со строгой), секретарь парткома Уфимского паровозо-ре-

монтного завода Шиш (снят с работы), зам. нач. депо Абдулино Графф (отдан под суд) и многие другие, отделавшиеся ранениями средней и легкой степени.

В собственной передвижной типографии издано 10 выпусков „Крокодил на рельсах“, с рисунками, один 8-страничный журнал, иллюстрированный, в красках, 14 молний с иллюстрациями, 6 окон сатиры и стенгазет, произнесены стихотворные доклады и фельетоны-речи, выданы ордена „Крокодила“ и проч.

7 ЯНВАРЯ. По инициативе заводского бюро комсомола и бюро ИТР на Николаевском судостроительном заводе им. Марти вышла сатирическая

Начальник депо и службы Чивурин, поставленный в известность о событиях, в течение двух суток согласовывал вопрос с ПЧ.

— Согласно приказу 71, очистка шлака скорее относится к вам, так как в примечании ясно сказано:

— За счет кредитов паровозной службы.

— Дулю вам с маком, — немедленно ответил ПЧ. — А где они, эти кредиты?

Вопрос обострился. Но, как известно, при наличии достаточного энтузиазма всякое затруднение можно ликвидировать. Дня через четыре на канаву явились два бравых колхозника, которые поплевали на рукавицы, взяли за лопаты и выбросили шлак на тракционный путь.

Ситуация изменилась. Вопрос поступил совершенно недвусмысленно в компетенцию пути. Не далее, как дня через четыре, шлак погрузили в вагоны. Канавы освободились.

Но, тем не менее, паровозам от этого легче не стало. Вагоны со шлаком торчали на тракционном пути и мешали подходу паровозов к канаве.

Убрать вагоны дело начальника станции.

Почему же начальник станции Горецкий несколько дней не отводит вагоны от кочегарных канав?

Опять-таки по весьма уважительной причине: у начальника станции Уфа имеются задания поважнее, чем каких-то два ерундовых вагона со шлаком.

Начальник станции Уфа грузит вагоны с хлебом. Правда, откровенно говоря, грузит он их из рук вон плохо и программы регулярно не выполняет.

Но почему, товарищи?

А потому, что депо не подает паровозы под поезда, срывая тем самым приказ наркомпути товарища Андреева.

Почему же депо не подает паровозы?

Да потому, что паровозы не могут подойти к шлаковой канаве и торчат на угольном складе вместо получаса по четыре, пять часов. Шлак мешает.

А шлак не убирают потому, что начальник станции не дает распоряжения.

Так и тянется сказка про белого бычка на станции Уфа из недели в неделю.

Ибо приказ номер 71 продуман настолько глубоко и основательно, что толком его никто понять не в состоянии.

А приказ начальника дороги — закон. Через него не перескочишь. С чем мы начальника дороги и поздравляем.

БЕН-ГАЛИ

газета „Мартинский крокодил“. Во всех цехах организованы оперативные посты, которые сигнализируют о всех, срывающих производственную программу. „Мартинский крокодил“ действует активно, рассылая фотосаржи по цехам, к рабочему месту и на дом.

Мартинцы! Ценю инициативу вашу.

Вы идете по правильному пути. Я счел рад, что весь в папашу „Крокодил“ на заводе им. Марти.

Цели своей добивайтесь упрямо,

стихом и шаржем бейте тех, кем сорвана производственная программа и чьим разгильдяйством опозорен цех.

ЛЮДИ И ЛОШАДИ

Говорят, что «за морем телушка — полушка, да рубль перевозу». Оказывается, что с лошадьми дело обстоит еще хуже, чем с телушками.

Научно-исследовательскому институту связи потребовалось купить лошадь и повозку. Институт для этого командировал инженера Васильева, а в помощь ему тов. Зайцев как знатона лошадей. На командировку этим двум товарищам было выписано 2 тыс. руб., а лошадь с повозкой обошлись 900 руб.

К сожалению, надо констатировать, что если бы не Васильева и Зайцева послали за лошадью, а наоборот, лошадь наверное бы поспеснялась попросить две тысячи командировочных.

ПРИ ЧЕМ ТУТ ПАРТБИЛЕТ?

Дмитрий Ноговицын развелся с женой. «Чрезвычайное» событие это очень просто оформили в загсе. Разведен — и точка.

Ноговицын обиделся.

— Чтобы такое, можно сказать, событие первостепенной важности да прошло без следа. Ни за что! Пусть след останется на всю жизнь! Пусть знает об этом и моя служба — служба движения ст. Слюдянка, Забайкал. ж. д.

И он предложил работнику загса сделать отметку об этом в партбилете.

Напрасно доказывал ему сотрудник загса, что партбилет не свидетельство об актах гражданского состояния, — Ноговицын был непреклонен.

Председатель поселкового совета преклонился перед настойчивостью разведенного мужа и приложил печать и подпись к партбилету.

Интересно теперь выяснить, как считает Ноговицын запись о разводе:

Партвысказанием или наоборот — партнаградой?

ПОБИТЫЙ РЕКОРД

Из Калинина сообщают:

„Ленинградское издательство „Кубуч“ прислало на-днях каталог т. Кудрявцеву на фабрику „Пролетарская м-ра“, а адресат счончался еще в 1930 году. Почта в данном случае не виновата, так как каталог 1930 г. сдан на почту в июне т. г. Таким образом тут виновато издательство, которое выслало каталог через 3 1/2 года после затребования“.

„Кубуч“ на целых полгода перекрыл старую поговорку насчет ожидания «обещанного».

КРАТКАЯ СПРАВКА

Бухгалтерия чемкентского отделения Казторга (Казакстан) в лице управляющего Кубаншыпаева выдала справку тов. Мустапаеву в том что

„...согласно представленных им документов и отчетов, за ним ничего кроме украденного товара на 2.840 руб. 77 к. не числится“.

Заметим по этому поводу, что означенная справка рекомендацией служить ни в коем случае не может. Ни Кубаншыпаеву ни тем более Казторгской бухгалтерии.

ЧТЕНИЕ ДЛЯ БОЛЬНЫХ

В больнице краснопресненской Трехгорной мануфактуры (Москва) висит плакат с кратким предложением:

„Товарищи! Приносите различный утиль, кости, тряпки, бумагу, этим вы поможете узникам капитала“.

Прежде всего, надо помочь снять такой плакат со стены. Это уже будет первым вкладом в культурную жизнь больницы.

СТРАУС НА ПРОИЗВОДСТВЕ

Однажды страус испугался И голову укрывать старался. Тогда одной дирекции глава Сказал: „Ну, что ж! Природа такова! Пока идет все идеально, Глава — горда и

единоначальна.

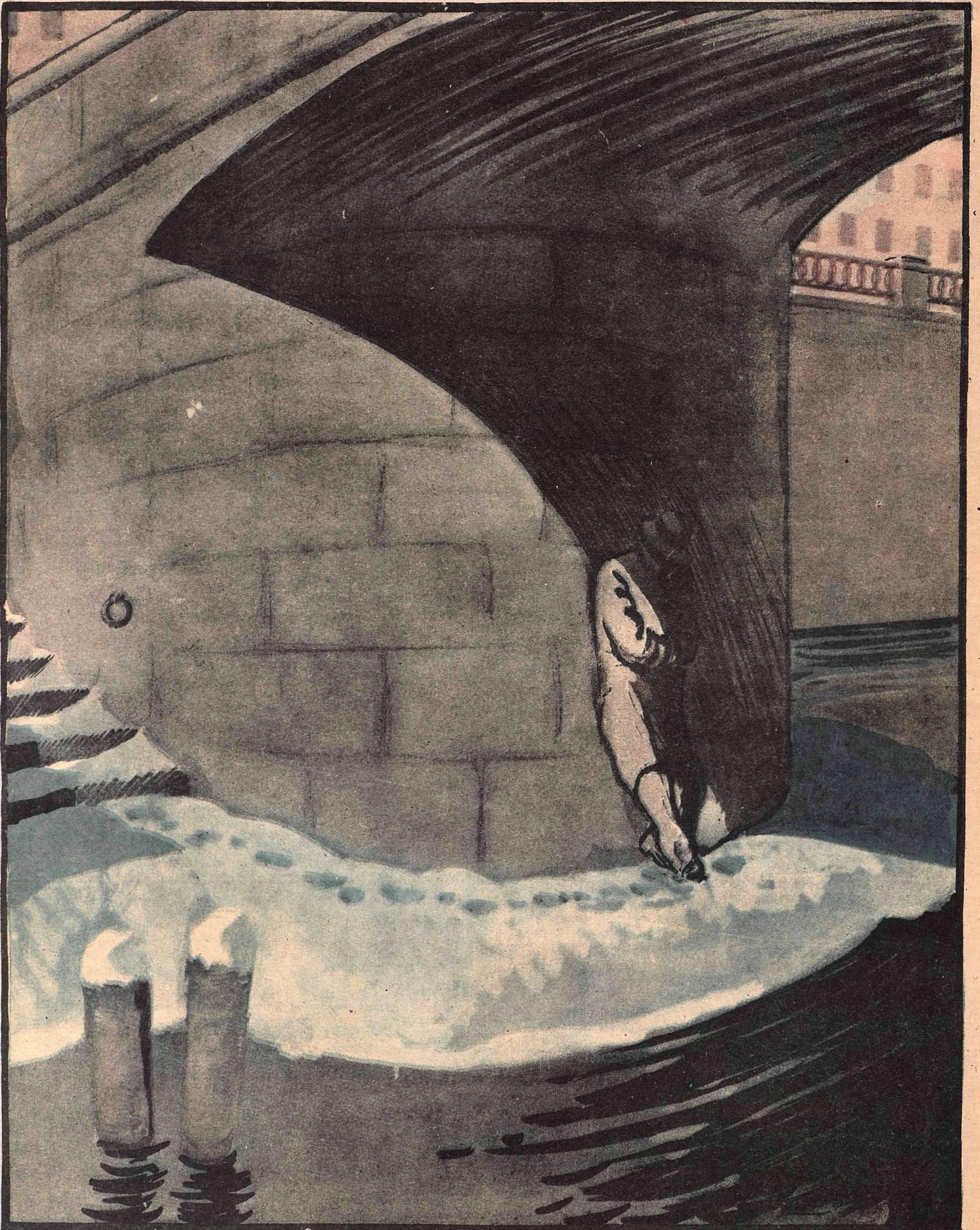
А где момент опасностью чреват, Там прячется, как я, за свой же аппарат!“

М. АНДРИЕВСКАЯ

БЕЗДОМНЫЙ СТРОИТЕЛЬ

Рис. и тема К. Ротова

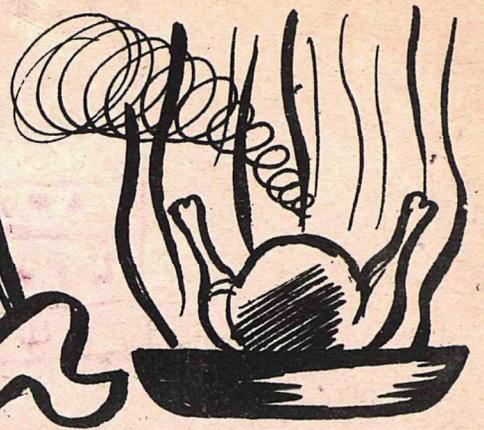
Безработица среди инженеров-строителей в Европе стала нормальным явлением.

10 — Знай я, что мне придется под этим мостом жить, — я бы строил его значительно уютнее...

Фамусовы

Легкость в перо при подписывании резолюций — это самая наглядная черта всякого бюрократа.

Давайте сейчас говорить не о Фамусовых, зашедших в центральных учреждениях. О них — особо. Давайте посмотрим на маленьких Фамусовых, на, так сказать, фамусоидов, у которых даже нет грошевых оправданий заседаниями, посетителями, нагрузками и другими соломинками, на которых так любят спасаться герои фиолетового штампа и росписи с завитушками.

Вот резолюция:

„Списать за счет разных расходов.
Зам. Нач. ОРС'а совхоза
«ДАЛЬВЕРЗИН» КРУЛИН“.

Кажется, самая нормальная, добротная резолюция на доброкачественном докладе. И действительно, если дочитать бумагу только до половины, ничего не скажешь. Самый будничный рапорт:

„Прилагая при сем накладную № 240 на отпущенные материалы на основании личного распоряжения Хашимова для похорон тов. Жукова...“

Ну, умер человек. Ну, надо его хоронить. Почему же не выдать на это необходимую сумму и вставить ее в графу разных расходов. Но прочтите вторую половину рапорта, и вы увидите, какие материалы для похорон санкционированы маленьким периферийным фамусоидом:

- 1) 31 метр красного сатина,
- 2) 2 кило масла,
- 3) 1 швейная машина.

Представляете вы себе покойника, который никак не может похорониться без двух кило масла, а главное, категорически не уходит в мир иной без швейной машины?

Серьезный человек сразу бы усомнился в острой необходимости растительных и животных жиров для усопших. Веселый человек запросил бы синим карандашом, не нужно ли еще для столь требовательного покойника: комплекта гитарных струн и шевиота на осеннее пальто. Фамусоид просто подписывает. Покойника с маслом и машиной. Весь ассортимент — одной резолюцией.

Еще пример такого же порядка. На Ленинградской фабрике-кухне № 62, в красном уголке, развесили фотографии тех, кем хочется похвалиться. А в центре — лихая нарпитовка, которая успела провороваться. Девушку сняли с работы. А поясная фотография висит. Повешана — и с плеч долой!.. Надо же ж кого-нибудь же ж...

Периферийные фамусоиды никакими анекдотами не стесняются.

К сожалению, перед нами нет точных резолюций, но есть подробное изложение события с гусьями в доме партизан и инвалидов в Удомленском районе.

Мысленно представьте себе эти резолюции, если дело обстояло так.

Счетоводу Богоявленскому поручается купить 5 гусынь на предмет несения ими яиц и выведения потомства.

Счетовод оказался опытным гусеводом, и пять гусей были доставлены в июле месяце администрации одновременно со счетом в 250 рублей. Гуси сразу же сделались предметом теплого и настойчивого всеобщего внимания.

Гуси плавали, дрались, кушали и не делали только одного: не неслись.

Быть может, им даже угрожали общественным порицанием или пытались подкупить их лаской, но гуси не снесли до октября ни одного яйца, вынудив расход на гусиный стол еще в 250 рублей.

В октябре в ненастный, унылый для всех день тайна гусей была обнаружена. Они оказались гусаками. Резолюция последовала, по видимому, двоякая:

„Объявить гусынями, а при неисполнении — резать“.

Так фамусоиды плодят скверные, маленькие анекдоты. Вы скажете — это же мелочь. Да. Может быть, это — мелочь. Но если мы боремся за хорошую мелочь в быту, почему нам не бить по мелочи, отравляющей этот быт?

АРК. БУХОВ

ПОДПИСАНО — И С ПЛЕЧ ДОЛОЙ!

Кадульский райисполком (Ленингр. обл.) по этой формуле и руководит. Для механизации руководства собираются даже каучуковые самоотпекующие факсимиле заказать. А пока что штампуют вручную директивы, одна из которых попала в Пустородичский сельсовет:

„Соломозаготовки по району проходят преступно слабо. Годовой план выполнен только на 74%. У вас план выполнен на 120%, что безобразно плохо, а потому предлагаем вам в ближайшие дни обеспечить 100% выполнение плана соломозаготовок. За предрика (подпись неразборчива)“.

Интересно, кто подписал эту бумажку „За предрика“? Не Фамусов ли?

НАГАР И КОПОТЬ

ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Нельзя считать с объективными причинами, мешающими тому или иному решению, но некоторые из них настолько неожиданны, что замалчивать их не приходится.

Вот выдержка из протокола заседания РКК при НКРКИ от 22/XII 1933 г.

„СЛУШАЛИ:

Заявление столяра Панина И. П.. Уволен за систематическое появление на работу в нетрезвом виде...“

ПОСТАНОВИЛИ:

Дело отложить в виду появления на заседание РКК в пьяном виде“.

НИКАКОГО СХОДСТВА

Умершего сторожа Дикого контора Адыгейского зерносовхоза № 13 (Сев.-Кавк. ж. д., ст. Энем) сопроводила соответствующей справкой:

„Дана т. Дикому В. Т. в том, что он состоял на работе в Адыгзерносовхозе в качестве сторожа с 15/VI—32 г. по 5/VIII—33 г., уволился по смерти.“

Секретарь (подпись)
Зав. личным столом (подпись)“

Покойный сторож ничего общего с авторами справки не имел: он только по фамилии назывался Диким.

„ПОДАЧА ОБЪЯВЛЕНИЯ“

Помдиректора ОРС механического завода „Бакрабочий“ (г. Баку) довел

до сведения всех рабочих и служащих завода о том, что во время обеденных перерывов будет производиться подача обедов кельнершами.

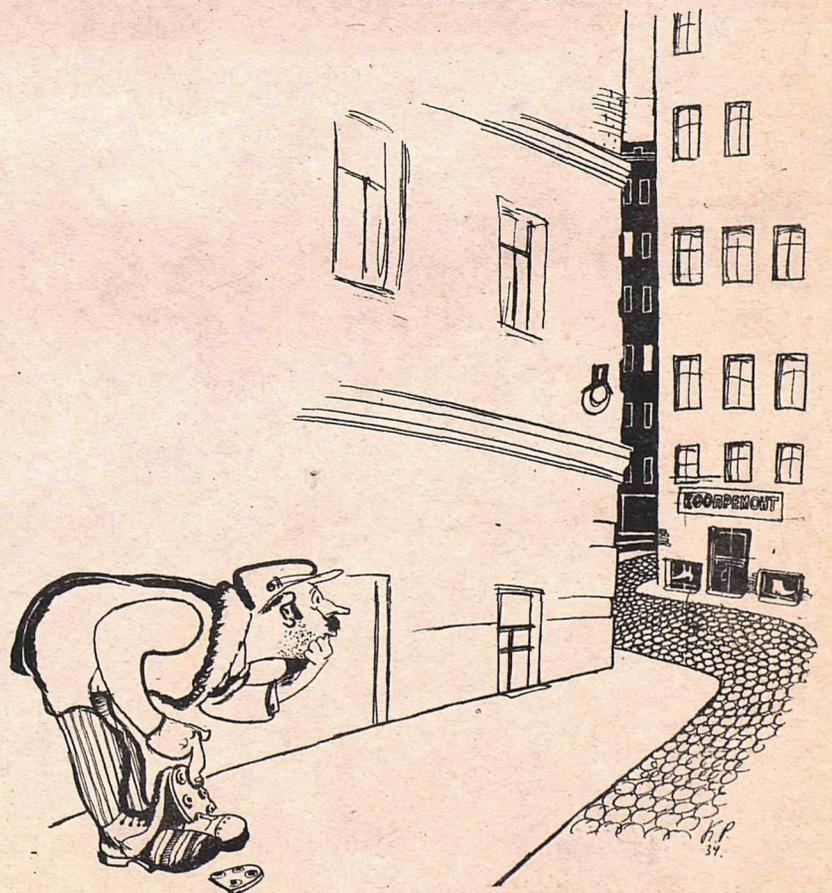
И просит всех рабочих и служащих

во время подачи обедов соблюдать самый строгий режим тишины и антисанитарного состояния, без запугивания работников, подающих обеды.

Интереснее всего выяснить, в каком состоянии помдиректора подписывал это объявление?

Рис К. Ротова

Резиновые подметки работы Ивановской, Ярославской и Ленинградской фабрик выдерживают только 4.500 шагов.

— Мне еще осталось тридцать два шага до мастерской... Успею ли дойти?..

(Тема А. Радекова)

2902

ШИРОКАЯ ПРОГРАММА

Из 133 миллиардов, расходуемых на новое строительство во второй пятилетке, половина отпускается на строительство в нацреспубликах.

АРХИВ
Ц 1. ФЕВ 1934
Г. Ц. К. П.

Рис. А. Топикова

— Какая сейчас программа?
 — Правительственная: сейчас передадут, сколько отпущено нашей области на строительство во второй пятилетке.

(Тема Я. Бельского)